

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕПРИЯТНОЕ
ВОСПОМИНАНИЕ

Зинаида Гиппиус
Неприятное воспоминание

«Public Domain»

1893

Гиппиус З. Н.

Неприятное воспоминание / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1893

«Вот уж скоро будет три года, как это случилось. Я рад, что могу иногда забывать, думать о другом, но с каждым днем это для меня труднее. Странно! Ведь всегда первое впечатление бывает самое сильное, а у меня наоборот. Сначала я совсем не думал, что это так важно и так станет мучить меня. Но чем больше времени проходит, чем дальше идет жизнь, тем все хуже...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зинаида Гиппиус

Неприятное воспоминание

I

Вот уж скоро будет три года, как это случилось. Я рад, что могу иногда забывать, думать о другом, но с каждым днем это для меня труднее. Странно! Ведь всегда первое впечатление бывает самое сильное, а у меня наоборот. Сначала я совсем не думал, что это так важно и так станет мучить меня. Но чем больше времени проходит, чем дальше идет жизнь, тем все хуже.

Я помню каждое слово матери, спокойное лицо ее, черные волосы на подушке и в комнате запах скипидара. Я помню даже свои мысли. Я держал ее руку и считал удар пульса. И я думал, что жар у нее небольшой, и если измерить температуру, пожалуй, и сорока нет; но субъект нервный, поэтому является бред и при невысокой температуре. Думал, что это несерьезно и нужно только увеличить приемы салола.

И все это было верно. Ей на другой же день стало лучше, и она скоро выздоровела. Тиф в легкой степени проходит быстро. Но тот вечер и те слова я не могу забыть. В эти три года у меня даже характер во многом изменился.

Жена говорит, что я слишком утомляюсь в больнице, но это неправда. Я стараюсь как можно позднее приходить домой, но с некоторых пор мне скучно дома. Мебель в гостиной некрасивая, расставлена без вкуса, малиновый капот моей жены я давно знаю, а эти барыни, ее гости, ужасно мешают заниматься.

Боюсь, впрочем, не лицемерю ли я перед собою? Разве я теперь серьезно занимаюсь? Мне даже смешно иногда: неужели этот пустяк меня тревожит? Несколько случайных слов...

Я думаю, тут во многом виновато мое нервное состояние, переутомление от частых дежурств в больнице. Но расскажу все по порядку: это меня успокоит.

II

Кончил я Московский университет очень поздно, почти двадцати шести лет. В гимназии одну зиму проболел, да со второго курса на год тоже пришлось уйти: мать заболела, поехал к ней, а потом она умерла, платить в университет было нечем.

Ходил по урокам до весны. Летом в отъезд получил место, накопил денег и снова поступил на второй курс.

Как прошли студенческие годы – я и не заметил. Лекции, опыты, клиника, вечерние занятия в лаборатории, и так пять лет. Я не думал о том – счастлив я или нет. Я просто работал, уставал, отдыхал и опять работал, потому что хотелось и было интересно, и еще потому, что я считал эту работу важной и великой и ждал от нее впереди беспримерно и неизвестно хорошего.

Особенно я увлекался бактериологией. Часто я шел домой вечером из лаборатории такой радостный, каким не помню себя с тех пор. Я радовался и тому, что есть, и тому, что будет. Мне кажется теперь, что студенческие годы были мои самые счастливые годы.

Я кончил университет одним из первых. Я был на виду у лучших профессоров – и от моей докторской диссертации ждали многого.

Свою работу я задумал еще на третьем курсе и понемногу приготавливался к ней. Выдержал последний университетский экзамен, съездил на Волгу-надо было отдохнуть немного – и не торопясь принялся за работу. Я хотел сдать предварительный экзамен месяцев через шесть и тогда уже хорошенько приняться за диссертацию, по моим расчетам, я мог кончить ее не ранее двух лет.

Я мечтал о Берлине и Париже, но это все было впереди. А чем я перебивался в то время, не могу и припомнить. Нанимал комнатку на Остоженке, в кухмистерской, за 30 копеек, и кое-как сводил концы. Уроки были. Потом меня профессор временно устроил при больнице. Заниматься мне это ничуть не мешало.

III

Мне иногда казалось, что я гений. Я думал, что все понимаю и могу то, чего другие не могут. Вероятно, это всем кажется в молодости, особенно если занимаешься любимым делом и оно идет на лад. Чем дальше подвигалась работа, тем было мне труднее. Я приходил в отчаяние, бросал работу, ходил мрачный целые дни и тогда уже совсем не думал, что я гений. Впрочем, и вообще к весне после целой зимы занятий я очень смирился и понял, что великим сделаться не так легко и что я во многом похож на других.

Раз, в феврале, вернувшись домой, я застал у себя знакомого доктора. Гости редко бывали у меня, и я удивился.

– Я к вам по делу, – сказал он. – Не возьмете ли практику в одном доме? Мне необходимо уехать недели на две, с остальными я устроился, да их у меня и немного, а эту пациентку не знаю кому передать. Лихорадка, и очень упорная. Вернулась из Крыма, там и заболела. Девочка слабая, как все больные, раздражительная. Знаете дом Ишимовой на Пречистенке? Так это дочь Ишимовой.

– Вы говорите – ребенок?

– Да, девочка, небольшая...

– А ваше лечение?

Мы перешли к специальному разговору. Я согласился взять m-lle Ишимову – тем более что в практике я очень нуждался.

На другой день, вместе с коллегой, я уже подъезжал к белому дому с колоннами, где жила моя пациентка.

IV

Нас проводи в гостиную.

Роскоши не было, но все казалось прочным и удобным. Ишимова в Москве считалась богатой, но не расточительной. При жизни мужа, который занимал какое-то видное место, они много принимали.

Скоро к нам вышла хозяйка. Это была высокая полная дама, еще красивая, совершенная брюнетка, с круглым лицом и небольшими усиками на верхней губе.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – приветливо сказала она, подавая руку моему спутнику.

Потом обратилась ко мне:

– Доктор Ибере? Николай Эрнестович? – проговорила она, улыбаясь. – Очень рада. Иван Иванович говорил мне о вас много хорошего.

Я хотел ответить, спросить, где больная, в каком она сегодня положении, но не сказал ничего, потому что от непривычки к обществу сконфузился.

– Садитесь, пожалуйста. Юля сейчас придет. Я думаю, вы с ней поладите, – сказала Ишимова, снова обращаясь ко мне. – Она капризна немного, но это от болезни...

Дверь отворилась, и вошла Юля.

Я понял, почему доктор упорно называл ее ребенком, хотя ей уже исполнилось пятнадцать лет. Очень худенькая, тоненькая, в темно-зеленом платье и черном переднике, она казалась двенадцатилетней девочкой. Смуглая, как мать, она на нее совсем не была похожа: лицо продолговатое, с острым подбородком, короткий нос, довольно большой капризный рот; волосы, гладко зачесанные кверху, были связаны сзади коричневой лентой. Я помню, особенно меня удивили ее глаза – узкие, темные, с приподнятыми углами, как у японок. И вообще она мне тогда казалась похожей на японку. На картинках японки мне нравились, но Юля не понравилась. Я сейчас же увидел, что она упрямая, что мать ее страшно балует и мне будет много возни.

V

Все мои предчувствия оправдались.

Юля не хотела, чтоб я ее выслушал, не отвечала на мои вопросы, не хотела ни кушать, ни принимать лекарства.

Сначала я стал в тупик. Но потом смекнул, что не надо ей противоречить. Съесть котлетку я обыкновенно упрашивал ее таким тоном, будто умолял о личной милости, подчинялся всем ее капризам и прописывал лекарства с тем запахом, с каким она желала.

Юля была поражена моей покорностью.

Скоро я имел счастье узнать, что нравлюсь моей пациентке. Мать с восторгом говорила, что никогда еще Юлинька не исполняла так хорошо предписаний доктора и что ей гораздо лучше. Сама Юля решила, что я из докторов самый приятный и ей со мной весело. Болезнь не требовала ежедневных визитов, но Юля настояла, чтобы я ездил, по крайней мере, через день.

Я и тут уступил. Всякое противоречие отзывалось дурно на здоровье моей пациентки.

VI

«Очень упорная и в иных случаях весьма тяжелая лихорадочная форма», – сказал о Юлиной болезни доктор, который рекомендовал меня к Ишимовым. В продолжение почти целой зимы он не мог добиться решительного поворота к лучшему.

Это меня заинтересовало. Я стал пробовать более энергические средства и на одном остановился. Мне казалось, что, идя этим путем, я могу получить благоприятные результаты. Необходимо было следить за правильностью лечения. Встречались, конечно, трудности, но в общем мы с Юлей ладили хорошо.

Я приезжал обыкновенно вечером и проходил прямо к Юле в комнату. Комната была обита розовым кретонем, и Юля ее ненавидела. Это она, впрочем, сказала только мне и под большим секретом. Мать приготовила ей комнату сама, сюрпризом, пока Юля гостила у бабушки в деревне.

Екатерина Васильевна купила новую мебель, выбрала кретон. Юля говорила мне со злостью:

– Скорее пусть я умру, чем скажу маме, как ненавижу эти нелепые цветы. Сама она выбирала, сама устраивала... И вы не смейте ничего говорить!

Мне, положим, не было до этого никакого дела, да и кретон казался мне премиленьким. По-моему, было бы хуже, если б, как мечтала Юля, обить комнату дорогими материями мрачных цветов или сделать стены из черного дерева.

Вечером у Юли топился камин и старушка-англичанка вязала у лампы нескончаемые шарфы. Не знаю – на что нужна была эта англичанка: Юля с ней не занималась и вообще не обращала на нее ни малейшего внимания, так что и я скоро совершенно забыл о ее существовании. Юля, закутанная в платок, сидела у самого огня. От этого я никак не мог ее отучить. Прошу, умоляю, а приеду – она опять у камина.

Помню, приехал я один раз – ей уж тогда немного лучше было – мать собирается в концерт.

– Пожалуйста, Николай Эрнестович, если вы не заняты, посидите с Юлей, пока я вернусь. Ведь все равно спать не может, скучать будет. Пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.